

Esquire

МУЖСКОЙ ЖУРНАЛ

ФЕВРАЛЬ 2013

85
НОМЕР

**«ХОРОШЕЕ ДЕЛО
ОЧЕНЬ ЛЕГКО
ПРОСРАТЬ,
ЕСЛИ ДУМАЕШЬ
О НЕМ СЛИШКОМ
МНОГО»**

Правила жизни
актера Мэтта Деймона

18+

ΧΑΡΟΥΣΑ
ΚΡΑΦΕΙ

КАК УСТРОЕН
САМЕЙ
МЕСТОКИИ
ИМАЗАРТНЫМ
СПОРТ
АФГАНИСТАНА —
ПОДПОЛЬНЫЕ
ПЕТУШИНЫЕ БОИ

ФОТОГРАФ ДЕБОРА СЗМЬЮЗЛЬ
Photographs by Deborah Samuel / Courtesy of Kasser Rassa
Gallery-Showroom / www.deborahsamuel.com

ТЕКСТ КРИСТОФЕРА ДЕ БЕЛЛЕГА
Перевод Владимира Бабкова.
Copyright Christopher de Bellaigue 2012

ТРАДИЦИИ

несколько лет назад я зашел посидеть в один кабульский ресторанчик из тех, что рангом повыше, и познакомился там с полицейским по имени Хуссейн Фахри. Немногословный, с приятными чертами лица и осторожными повадками, Фахри был представлен мне как любитель изысканной словесности и знаток родного города. Литературным языком в Афганистане служит персидский, и мы побеседовали на этом языке о Кабуле и о тех поэтах и писателях, которые в нем живут. За последние годы, сказал я, здесь произошло столько событий, что чужаку вроде меня, приехавшему сюда в случайно выбранный момент времени, трудно составить о городе определенное мнение. Слишком сильное впечатление может оставить очередной теракт смертника или скандал с захватом земли. «Нет, – сказал Фахри. – Так нельзя понять город».

Прежде чем вернуться к работе, Фахри подарил мне свой сборник «Петухи в саду Бабура» и посоветовал прочесть одноименный рассказ, добавив: «Я думаю, вы найдете в нем кое-что по-настоящему кабульское». После его ухода я заказал чайник зеленого чая и раскрыл книгу.

«Петухи в саду Бабура» написаны от лица мальчика, чей отец, бедный кабулец, продает свой клочок сухой каменистой земли, чтобы купить породистого трехмесячного петушка. Обласканный новым хозяином, петушок превращается в чудесную взрослую птицу, закаленную постоянными тренировками и полную сил благодаря диете из пшеничных зерен, червячков и миндаля. Эта метаморфоза захватывает и владельца, чья уверенность в себе и престиж словно растут вместе с его питомцем. «У меня были черные петухи в крапинку, – хвастается он, – были пятнистые, и красные, как изюм, и белые, и в черно-желтую полоску. Были петухи со стоячими гребешками, с плоскими и с обвислыми. Птица есть птица. Но такого петуха я еще не видел. Горе тому, кто осмелится выйти с ним на бой!»

Как я узнал из рассказа Фахри, исход петушиного боя решают не только породистость участников и их спортивная форма. Большую роль играет еще и удача – истинные бойцовские качества петуха выявляются лишь на арене. Кто он – безумный и не рассуждающий забияка, который выдыхается уже спустя четверть часа, или упорный и выносливый воин? Есть ли у него в запасе какой-нибудь особый

прием – например, просунуть голову под одну из ног соперника и заставить его прыгать на другой, чтобы измотать поскорее? И, наконец, самое важное: будет ли петух драться до победы? Потерпев поражение, он не только осрамится сам, но и опозорит своего владельца.

Так и случается в «Петухах в саду Бабура». Студеным зимним утром отец и сын приносят своего воспитанника на первую серию схваток в сезоне. Она устроена в разрушенном саду, где похоронен могольский император шестнадцатого века Бабур. Новичок бойко кудахчет и кукарекает, и ему скоро находят соперника – грязного, растрепанного петуха злобного вида. Но этот оборванец оказывается умелым воином; в ходе долгой и изнурительной битвы петух бедного кабульца слабеет и наконец получает удар шпорой в глаз.

Это кровавый финал, однако автора не меньше интересует и поражение самого владельца. Зрители осыпают поверженную птицу насмешками, и мальчику хочется, чтобы его отец «очутился в безопасности между четырьмя стенами своего дома, под одеялом, где его не может видеть никто, кроме Бога». Однако это сочувствие длится недолго, поскольку разъяренный отец вдруг хватает своего умирающего любимца и перерезает ему глотку. «Изверг!» – кричит кто-то. «Безумец!» – добавляет другой, и мальчик бежит домой, ослепленный стыдом.

Читая и перечитывая этот рассказ, я невольно задумался о том, чем столь грубая тема могла привлечь человека, наделенного литературной восприимчивостью. Петушиные бои – развлечение, жестокое по самой

своей сути. Тут нет никаких высших причин, нет оправданий вроде убийства ради еды, как на обычной охоте и рыбалке, или вроде борьбы с вредителями, как при охоте на лис. Петушиные бои – это абсолютно не обоснованное насилие, и вполне естественно, что они стоят на грани исчезновения. Хотя и нелегальные, они еще уцелели в нескольких уголках Америки, а в двух-трех районах Европы местные власти сохранили их в качестве пережитка дремучего прошлого. В Афганистане другая картина: последние три десятка лет там не прекращается гражданская война, и кровавые столкновения для многих являются определяющим жизненным фактором. Петушиные бои в стране официально запрещены, но не из-за их жестокости. В Афганистане запрет на петушиные бои вызван тем, что они напрямую связаны с азартной игрой, а стало быть, противоречат мусульманской морали.

Фахри сообщил мне, что сезон боев начинается в декабре, а кончается весной. Развлечение набирает популярность – растет и количество зрителей, и уровень ставок. Особенно меня позабавило то, что обо всем этом я узнал от полицейского.

В декабре 2010 года я вернулся в Кабул. Я нанял в качестве провожатого юношу по имени Карим Шарифи, и ранним утром в пятницу – мусульманский день отдыха – мы поехали на свой первый петушинный бой. Мы миновали сад Бабура – восстановленный культурным фондом Ага-Хана во всем прежнем великолепии, он закрыл

свои ворота для любителей петушиных боев. Они недалеко ушли отсюда в географическом смысле, но заметно опустились в социальном. Мы прибыли на унылый замусоренный пустырь с полуразрушенным зданием посередине. «Раньше здесь был черепичный завод, – пояснил Карим, – а теперь это главное место сбора наших».

Было самое начало десятого. Весь пустырь уже заполонили машины, а вокруг них толпились люди; они здоровались друг с другом и рассматривали птиц, которых многие держали под мышкой. Один седой ветеран поведал мне историю о легендарном герое Рустама – о том, как он спасся бегством после одной особенно затяжной битвы. Огорченный отец Рустама устроил петушинный бой и таким образом продемонстрировал сыну, что истинный воин никогда не убегает от противника. Сегодня имя Рустама ассоциируется с негибимым мужеством и доблестью. «Но только увидев петушинный бой, Рустам стал Рустамом», – заключил старик.

ГЕНЕРАЛЫ: КИИ
ПЕТУХ
ПОЛУЧИЛ УДАР
В ГЛАЗ.
БОЛЬШЕ
НЕВЕЗЕНИЕ –
ВСЕГО-ТО
ЧЕРЕЗ
НЕСКОЛЬКО
СЕКУНД

Когда мы шли ко входу в полуразвалившийся дом, мое внимание привлек афганец средних лет, который вел свой велосипед с дороги на стоянку. В драной куртке поверх длинной рубахи танбон и с пестрым шарфом-дастмалем на голове, он обменивался любезностями со всеми, кто попадался ему на пути. Он улыбнулся нам и вошел в здание, распространяя вокруг сильный запах гашиша.

Мы с Каримом тоже вошли, заплатив за это сумму, эквивалентную 75 центам. За много лет военных действий старый завод не раз обстреливали, поэтому в его стенах зияли пробоины, а сквозь дырявую крышу лились лучи зимнего солнца. Мы заняли места на нижней из нескольких ступенек, окружающих прямоугольный участок утоптанной земли размером с площадку для сквоша. Когда в здание пропустили последнего желающего, зрителей набралось около пятисот – они сгрудились вокруг арены, приветствуя друг друга и весело бранясь.

Публика была так же разнообразна, как сам Афганистан. Я видел узбеков с дальнего севера в маленьких аккуратных чалмах поверх красных тюбетеек, а между ними – более основательные пуштунские тюрбаны и бороды, в которых можно было спрятать кулак. Многие выглядели как типичные моджахеды – длинная рубаха со скошенным висячим воротником, штаны, не достающие до лодыжек, и шерстяная шляпа с мягкими полями над подстриженной бородой. Даже зимой эти солдаты на отдыхе носят сандалии исключительно на босу ногу, подчеркивая свою мужественность. А на нижней ступеньке, точно стилильный неряха из модного журнала, устроился давешний велосипедист. Прикрыв от удовольствия чуть раскосые глаза, выдающие тюркское происхождение, он внимательно слушал соседа, который рассказывал ему какую-то забавную историю.

Потом на середину арены вышли двое с петухами в руках. Один – хмурый, мускулистый, в военной форме (он оказался генералом Афганской национальной армии). Второй был молод и розовощек. Его звали Сабур, и они с братом Зильгаем считались восходящими звездами петушиного спорта.

Два секунданта, так называемые абдары, взяли птиц у хозяев, и те уселись на нижней ступеньке у самого ринга. Абдары опустили птиц на землю клюв к клюву, и перья на шею петухов сразу встопорчились, окружив воротниками их маленькие грозные головы. Затем там, где они стояли, взметнулся свирепый вихрь из крыльев и шпор.

ТРАДИЦИИ

Все кончилось чрезвычайно быстро. Не успел я толком разглядеть соперников, как смертельно побледневший генерал бросился на арену и вынес с нее свою птицу. «По-моему, генеральский петух получил удар в глаз, – сказал Карим. – Большое невезение – всего-то через несколько секунд! Вряд ли он сможет продолжать». Юные братья, Сабур и Зильгай, ликовали.

Я не видел решающего удара, да и вообще пропустил в тот день много важного. Птицы орудовали своими шпорами с ошеломительной скоростью. Ставки делались бурно и хаотически: одни зрители выкрикивали коэффициенты, выскочив на арену, другие кивками давали понять, что принимают пари. Позже, немного привыкнув к стремительности происходящего, я стал замечать обманные движения и разящие выпады. Вопреки ожиданиям, я не испытывал отвращения. Среди публики было несколько мальчишек, которые заворуженно следили за боями, и это, должно быть, сгладило эффект. Я подумал о своем семилетнем сыне и о том, как он отнесся бы к этому приключению.

На Западе любят писать о конфликтах в Афганистане – так повелось с тех пор, как британцы и пуштуны впервые сошлись в бою в XIX веке. В 1980-х журналисты активно поддерживали эту традицию, во многих случаях романтизируя моджахедов, борющихся против советских захватчиков, и продолжают в том же духе сегодня, сопровождая американские военные подразделения, которые противостоят Талибану. Когда я сидел в здании бывшего черепичного завода, мне пришло в голову, что я тоже превратился в такого сопровождающего, только наблюдаю за параллельной войной.

Вся атмосфера вокруг арены – надрывный кашель и проклятия, игроки, время от времени выбегающие наружу, чтобы присесть или помочиться среди куч строительного мусора, – никак не соответствовала моим представлениям о богатстве. Потом, после одной схватки, Карим сказал мне, что на кону стояло в целом около 22 тысяч долларов в местном эквиваленте, считая две тысячи, на которые побились об заклад владельцы. Для страны, где средний годовой доход на душу населения меньше пятисот долларов, это гигантские суммы. Карим шепотом поведал мне краткие биографии самых известных из побравшихся; я узнал, какие услуги они в прошлом оказали джихаду и какие высокие посты занимают теперь в правительстве Хамида Карзая, армии и полиции. Мне стало ясно, что здесь не найти человека, похожего на бедного кабульца из рассказа Хуссейна Фахри. Его герой купил своего петушка меньше чем за \$700, а сегодня ему пришлось бы потратить на это в четыре-пять раз больше. Кабул переживает искусственный бум, подпитываемый войной, преступлениями и иностранной помощью, и цена практически на все, включая бойцовых петухов, взлетела до небес.

Позже, в конце затяжных схваток, длившихся порой по несколько раундов, я видел, как великолепные птицы умирают, дрожа в одиночестве, под градом оскорблений из уст тех самых людей, которые только что их превозносили, и пожалел о своей прежней беззаботности. Разве нельзя останавливать бои раньше, чем дойдет до этого, и назначать победу по очкам? Тогда петухи могли бы когда-нибудь потом снова выйти на ринг, а там, глядишь, и на заслуженный отдых. Я огляделся. Меня окружали раскрасневшиеся лица – кто-то торжествовал, кто-то жаждал мести. Нет, смерть здесь определяла все.

Покидая здание, мы с Каримом случайно поравнялись с человеком в дастмале. Перекинувшись с ним двумя словами, мы узнали, что его зовут Хафиз и что он владелец нескольких бойцовых петухов. Он согласился встретиться с нами на следующий день, чтобы поговорить

о петушиных боях. «Это единственная истинная любовь в моей жизни», – сказал он, усмехнувшись, и отправился к своему велосипеду. Мы слышали, как кто-то окликнул его: «Хафиз! Как поживаешь, халиф всех плутов?»

Рано утром мы с Каримом пошли прогуляться по центру Кабула, мимо сотен кур и индюшек, выставленных на продажу вдоль дороги мы шли на «улицу торговцев соломой» – Ка Фароши. Соломой здесь не торгуют уже очень давно, и по первым ларькам, где сидят за своими колесами точильщики ножей и старик предлагает средство от ревматизма, никак нельзя догадаться, что ждет впереди. Потом коридор между торговыми рядами сужается и городские шумы тонут в кудяхтаньи и чириканьи тысяч птиц в деревянных клетках, которые висят под тентами и стоят прямо на земле. Клетки побольше разделены просунутыми сквозь решетку прутиками – насестами для куропаток и говорящих скворцов. Почтовые голуби, выпятив грудь колесом, ссорятся и скандалят, а полосатые куропатки мирно сидят парами, хотя именно они здесь – основной товар. Их тоже стравливают друг с другом. В гостиных и на задних дворах по всему городу кипят бои, делаются ставки, калечат и убивают птиц. Так что экономику Ка Фароши тоже можно назвать военной экономикой.

В глазах истинного любителя петушиных боев остальные птицы – воины второго сорта. «Я не люблю куропаток, – сказал мне Хафиз. – Они сражаются несколько минут, а потом кто-нибудь из них сдастся. Даже бойцовые собаки, и те дерутся не больше пяти-десяти минут, и им этого хватает. Но петух – другое дело! Петухи могут биться три дня, четыре... Они бьются, пока у них не иссякнут все силы. Бог создал этих птиц для битвы».

Я провел с Хафизом больше времени, чем с любым другим поклонником петушиных боев. Я бывал у него дома, выезжал с ним на загородные матчи и курил его сигареты с добавкой чараса, местной разновидности гашиша, которыми он услаждал себя в минуты, свободные от ухода за птицами. «Пропавший я человек, – объявил он без сожаления, имея в виду не гашиш, а петухов. – Только что-нибудь заработаю, как тут же все проиграю!»

Ростом Хафиз около метра семидесяти и часто улыбается сквозь седую бороду с лукавым огоньком в глазах. Помимо дастмала, его главный аксессуар – перстень с молочно-белым агатом, которым он часто

трет глаза и мистическими свойствами которого объясняет незаурядную остроту своего зрения. Как петушиный энтузиаст и чарси (потребитель чараса, смолки из конопли), Хафиз существует на грани уважаемого общества, и это его вполне устраивает. Как-то раз я спросил его, каким ему видится будущее страны, а он расхохотался и ответил: «Я и про свое-то ничего не знаю. Какое мне дело до будущего страны?»

Хафиз получает неплохие деньги, работая на стройке прорабом, но в начале зимы строительный сезон в Афганистане заканчивается. Тогда у него появляется время на то, чтобы просадить большую часть своего заработка на петушиных боях; за много лет он проиграл уйму денег и вынужден был продать фамильный участок земли, чтобы оплатить детям школу. Хафизу далеко до большинства членов кабульского петушиного братства. Кроме него, никто на моих глазах не подъезжал к старому черепичному заводу на велосипеде.

Как мусульманин-шиит и представитель этнического меньшинства хазарейцев, Хафиз вдвойне далек от суннитской и в основном таджикской элиты современного Афганистана. Его военный опыт ограничивается сроком принудительной службы в 1980-е в армии под советским руководством. Последовавшую за этим гражданскую войну, когда разные моджахедские группировки постоянно сражались друг с другом, он назвал «окайнным временем». Когда власть взяли талибы, Хафиз сбежал в Пакистан, ткал в Пешаваре ковры и вернулся на родину только после победы Карзая в 2002 году.

В своем доме, унаследованном от отца, в скромном, но приличном районе Кабула, он показал мне петуха, которого собирался отвезти на черепичный завод в ближайшую пятницу. Это был рыжий, отливающий золотом экземпляр с большим гребешком и седлом в белую крапинку. В то утро Хафиз устроил своему питомцу тренировку – погнав его на заднем дворе для укрепления мышц и поднятия боевого духа. Затем он посадил его на пол и щелкнул пальцами. Блестя темными глазами, петух агрессивно крутнулся на месте. Когда петушок достигает зрелости, он рвется в драку с любой взрослой особью мужского пола, какая только рискнет к нему подойти; про такого петуха в Афганистане говорят «захмелел». Глаза Хафиза тоже блеснули: «Он готов к бою! Мы им устроим настоящую революцию, вот увидишь!»

Я спросил Омида, старшего сына Хафиза, пойдет ли он в пятницу на завод. Омид, серьезный парнишка одиннадцати лет, покачал головой, и Хафиз пояснил, что он, в отличие от многих других владельцев петухов, не поощряет в своих детях интереса к этому занятию. Как и в случае с чарасом, здесь Хафиз выполняет отцовский долг, показывая сыновьям отрицательный пример. «У кого вы учитесь хорошим манерам? – спросил он и сам же ответил: – У тех, кто не умеет себя вести!»

Хафиз положил на дровяную печь в комнате железную плоскую. Когда плоская накалилась, он кинул на нее горсть тряпок и раскупорил пузырек с густой темной мазью. По несколько раз в день перед битвой Хафиз смазывает прогретые тряпки этим зельем, приготовленным из пары десятков разных выжимок и эликсиров, и плотно оборачивает ими голову, грудь и бедра своей птицы. Цель этих процедур – огрубить кожу, чтобы ее труднее было проткнуть шпорой. Хафиз принялся было перечислять мне составляющие своего снадобья: квасцы, гранатовая кожура, цветы тамариска, скорлупа грецкого ореха... Потом, закутывая в тряпку шею петуха, перебил сам себя: «Стоп! Остального я тебе не скажу. Это секрет, который знаю только я!»

На следующий день Хафизу нужно было попасть на сбор в долине Шамали, примерно в двух часах езды от Кабула, и он разрешил мне и Кариму составить ему компанию. Хафиз с нежностью вспоми-

нает свои многочисленные поездки по стране, от Мазари-Шарифа на дальнем севере до Кандагара на юге. Перебираясь с одного боя на другой, он встречается с товарищами, покуливает чарас и любит танцами юношей – в здешнем обществе с его половой дискриминацией это сходило за приемлемое вечернее развлечение.

Потом, встав пораньше, мы с Каримом забрали Хафиза и двинулись из столицы на север. Он сказал нам, что талибы контролируют все больше сельских дорог, включая главные, и ездить становится все труднее. Если нарвешься на их блокпост и у тебя в машине найдут бойцового петуха, то его отберут, а тебя оштрафуют или высекут.

В 1996-м, вскоре после захвата талибами Кабула, Хафиза поймали на подпольных петушиных боях. «Они подвесили меня к потолку за правое запястье и стали хлестать кнутом по правому боку. Потом так же – по левому. Всего исполосовали». Но Хафиз упрям, и через два дня он явился на другое сборище. «Вдруг кто-то закричал: талибы! – вспоминал он. – Я побежал домой, на другой конец города, но пока добрался до места, мои раны открылись, и я весь перепачкался в крови». Тут-то Хафиз и решил, что пора покидать страну. Спустя несколько дней он уже был в Пакистане.

Я попросил Хафиза рассказать о самом неудачном петушином бое, который ему запомнился, и он поведал мне об унижении, выпавшем однажды на его долю. В тот раз его птица явно проигрывала схватку, и Хафиз уже хотел признать поражение, чтобы ее спасти. Но его товарищ, член той же группы игроков, сказал: «Я возьму на себя твои ставки. Выигрыш или проигрыш – все будет мое». «После этого, – продолжал Хафиз, – у моего петуха вдруг открылось второе дыхание. Он победил, и мой товарищ забрал весь куш. Я сунул петуха под куртку и поехал домой, но там обнаружил, что по дороге он умер». Он грустно ухмыльнулся.

Те, кто рискуют на петушиных боях большими деньгами, не считают, что оскорбляют этим свою религию. Когда Хафиз рассказывал мне о своей встрече с талибами, я вспомнил слова другого игрока, с которым беседовал на черепичном заводе. Он выразился так: «Все, что мы делаем, греховно. Ты идешь по улице и смотришь на женщину – это грех. По мусульманским законам торговцы не должны удерживать больше десяти процентов с выручки, но здесь, в Афганистане, кое-кто получает прибыль

в пятьсот процентов». Затем он привел афганскую поговорку: «Пить вино запрещается; назови мне хоть что-нибудь, что разрешено в этом мире!»

Мы приехали в маленький провинциальный городок, свернули с шоссе и покатались по грунтовой дороге прочь от домов, в поля. Там и сям были разбиты виноградники. Даже вокруг самых крошечных участков высились саманные ограды – свидетельство того, как ненадежны в Афганистане права собственности. Наш автомобильный маршрут закончился на берегу канала, уже забитом машинами. Мы перешли мост, ведущий к большому разрушенному зданию, тоже из необожженного кирпича, – прежде чем в нем обосновались любители петушиных боев, он принадлежал влиятельной местной семье. К тому времени солнце уже встало и пригревало нам спины.

С десяток участников прибыли на место соревнований раньше нас и уже подбирали соперников для своих птиц. Хафиз увидел друзей и отправился их приветствовать – ритуал, включающий поцелуи в щеку и обмен стандартными непристойностями. Поблизости слонялись двое вооруженных людей. Один из них спросил меня, единственного иностранца среди присутствующих, не террорист ли я и не собираюсь ли взорвать себя прямо здесь.

Я сказал, что нет, и он выпил со мной чашку чая.

В перерыве между боями мы сидели у реки и болтали с местным полевым командиром, довольно молодым парнем в коричневом платке. Он сказал, что присоединился к моджахедам в 13 лет и года через три уже возглавлял подразделение в две тысячи человек. Теперь он занимал важный пост в министерстве культуры в Кабуле и отвечал за музеи по всей стране. Я подумал, что он, возможно, не умеет ни читать, ни писать. А еще – что одного лишь государственного жалованья вряд ли хватило бы на его шикарный черный джип и свиту.

Командир сказал мне, что в основе петушиных боев лежит шаук, или любовь, – любовь к битве, к членам своего братства и к самим отважным птицам. Подобные откровения мне доводилось слышать и в Кабуле, от других владельцев и игроков. Представительные седобородые аксакалы говорили: «Мы получаем столько шаука, что наши горести обращаются в цветы!»

НА КОНУ БОЛЬШЕ ТРИДЦАТИ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ. ОНИ СДЕЛАЮТ ВСЕ, ЧТОБЫ ЗАСТАВИТЬ ЕГО ПРОДОЛЖАТЬ

В тот день Хафизу пришлось довольствоваться одним шауком. Он проиграл больше двухсот долларов – деньги были внесены сообща группой из пяти человек, в которую он входил. Однако он еще мог уповать на пятницу.

Старый черепичный завод был набит битком. Сойдясь на арене и посадив на нее петухов, владельцы оценивали возможных противников и устанавливали порядок схваток. Здесь же делались ставки. «Тот, кто не держит слова, – сутенер и рогоносец!» – воскликнул кто-то. Другой, помоложе, возмутился: «Если я не сдержу слова, побейте меня камнями!»

Огромный увалень по имени Баго потерял терпение. Он схватил трость и принялся кружить около ринга, стуча ею по земле и поднимая клубы пыли, крича зрителям, чтобы те заняли свои места. Без Баго в Кабуле не обходится ни один бой. Раньше он был абдаром, но птицы, за которыми он ухаживал, обыкновенно проигрывали, и пошел слух, что Баго приносит несчастье. В конце концов его перестали приглашать на роль абдара.

Абдар означает «тот, у кого есть вода», и это прямо соотносится с одной из его главных обязанностей: следить, чтобы птица не перегрелась. Через определенные промежутки времени он набирает в рот воды, отдирает свою птицу от чужой и опрыскивает ей голову и анус. Затем, сняв с плеча специальную тряпку, обмахивает петуха и вытирает с него пот и кровь. Плотно скрутив тряпку, он засовывает ее петуху в глотку и удаляет оттуда потенциально опасные перья, которых тот наглатывается, клюя своего соперника. Абдар заменяет сломанные шпоры и клювы резервными, оставшимися от убитых бойцов. Он промывает языком заляпанные кровью глаза и накладывает швы на грудные раны. Это работа не для брезгливых.

Начались первая и вторая схватки – они шли поочередными раундами по 20 минут. Время от времени я посматривал на Хафиза, который сидел на нижней ступеньке, держа петуха под курткой и переговариваясь с членами своей группы. Хафиза поставили против Зильгая с Сабуром, после чего он заметно помрачнел.

Второй бой кончился тем, что одну из птиц унесли с арены. Я вышел попить чаю, а когда вернулся, уже начался третий. В воздухе витало напряжение – не только потому, что соперники были достойны друг друга, но и потому, что один петух – коренастый, в черную крапинку – принадлежал племяннику крупнейшего афганского военачальника. Сам племянник, худой человек лет сорока, хранил ледяное спокойствие, но его молодые спутники владели собой не так хорошо. По мере того как битва ожесточалась, их лица искажались все более безобразными гримасами; они выбегали на арену, выкрикивая ставки и потрясая кулаками.

К концу второго раунда обе птицы обессилели и заливались кровью. Они повисали друг на друге, сцепившись шеями, но потом снова отступали и сшибались в воздухе, отчаянно лягаясь. Где-то посреди третьего раунда крапчатый петух вдруг споткнулся. Одно крыло у него волочилось по земле. Зрители вокруг меня завопили: «Он ослеп!»

Я повернулся к Кариму и спросил: «Ну уж теперь-то бой остановят?» Он покачал головой. «Знаешь, сколько денег на кону? Больше тридцати тысяч долларов! Они сделают все, чтобы заставить его продолжать!»

Публика вокруг арены бесновалась, покуда абдар, зажав петуха между коленей, заштопывал рану, зияющую под его черной глазницей. Потом он стал шарить по карманам, ища замену треснувшему клюву. Кто-то громко обвинял абдара в незаконной остановке боя. Другие возражали, что он действует согласно правилам.

Абдар баюкал крапчатого петуха, который явно был парализован и находился при смерти. Его единственный глаз бессмысленно смотрел в пустоту. Деньги стали переходить из рук в руки – больше

денег, чем я когда-либо видел в Афганистане. Племянник знаменитого военачальника отбыл в своем внедорожнике в сопровождении охраны.

Под конец боя Хафиз поднялся со своего места у самой арены. Стужались сумерки; его бой и несколько других были перенесены на следующий день. Он посадил своего петуха в ящик, привязанный к багажнику велосипеда, и уехал домой. Но когда он вернулся на следующее утро, личико его петуха было чуть темнее, чем накануне, а глаза смотрели тускло и безжизненно. Он простудился – не то потому, что его целый день продержали в холодном здании завода, не то потому, что ящик на велосипеде продувало насквозь.

Позже я узнал, что товарищи Хафиза пытались уговорить его снять птицу с соревнований и заплатить Зильгаю стандартный штраф, но он их не послушал. Что заставило его выгнать на арену петуха, обреченного на поражение, – было ли это своего рода безумие или азарт? По ходу трех раундов, проведенных в тот день, петух Хафиза порой оживал, а вместе с ним оживал и он сам – невысокий человечек в дастмале, судорожно подергивающий руками и ногами, бойцовый петушок в человечесьем теле.

Но птице с седлом в белую крапинку удалось провести лишь несколько хороших ударов. Это была битва на измор, в которой могла победить только более сильная и выносливая птица двух братьев.

В ту ночь Хафиз не спал: он хлопотал над своим петухом, что-то ему нашептывая.

На рассвете не раздалось привычного «кукареку». Это было страшное предзнаменование. Хафиз снова привез петуха на завод. Личико птицы почти совсем почернело. Бой возобновился.

Более никчемную и бессмысленную смерть трудно себе представить. Роковой удар шпорой, как и следовало ожидать, пришелся в глаз. Петух Хафиза упал навзничь, и зрители принялись честить его с привычным бессердечием. Абдар поднес птицу Хафизу; тот посмотрел на нее и воскликнул: «Нет! О Боже! Все вышло не так!» Зильгай и Сабур улыбались.

Хафиз признал поражение. Его группа выплатила около тысячи долларов, причем треть этой суммы поступила из кармана Хафиза. «Я взял его цыпленком и вырастил, – пробормотал Хафиз, ни к кому в особенности не обращаясь. – Что я могу поделать, если в первую брачную ночь он оказался импотентом?» Затем он сел на велосипед и уехал. Два дня спустя его птица умерла от полученных ран. ■